

Вдалеке тянулась древняя дорога, заросшая печальной, увядающей травой, и одинокий всадник мчался по ней, взметая клубы пыли.

Ветер свистел в ушах, обжигая лицо болезненными порывами. Солнце стояло высоко, заливая окрестности тусклым светом, однако человек в седле не чувствовал ни капли тепла.

Напротив, тело его пробирала лихорадочная дрожь. Он наматывал поводья на руки снова и снова — словно боялся, что в любой момент сорвется с лошади.

В ту ночь Го Цзя напился и долго бродил под дождем, а к утру уже слег с ознобом. Сюй Лу говорил, что его простуда еще не прошла, да и сам он прекрасно это понимал.

Всю дорогу им приходилось ночевать под открытым небом и питаться всухомятку. Го Цзя все сильнее чувствовал, что в этой жизни он, должно быть, расплачивается за грехи своего бурного и необузданного прошлого.

Иначе с чего бы ему то и дело сваливаться в бреду с непонятной болезнью?

Вспоминая прошлую жизнь рядом с Цао ЦАО — как они вместе вершили судьбы империй, облаченные в простые синие халаты и шелковые тюрбаны, а в их сердцах таилась вся мудрость мира, — он понимал, что все это оборотилось в сухие строчки официальных летописей. Куда бы ни простирались земли, завоеванные Цао ЦАО, везде можно было отыскать следы самого Го Цзя.

Его кончики пальцев едва заметно дрожали, а пейзаж перед глазами расплывался все сильнее. Только заунывный свист встречного ветра, похожий на раскаты грома, сотрясавшего небеса, гудел в ушах с нарастающей силой.

Вместе с бурями завывал и кружился у него в голове головокружительный туман. Удар за ударом он стирал обрывки воспоминаний о прошлой жизни.

Наконец, не выдержав, Го Цзя соскользнул с седла, опустился на колени у придорожного дерева и согнулся в приступе тошноты.

Обессиленно рухнув на обочину, он тяжело задыхался. Помутившийся взгляд постепенно прояснялся — от недавней рвоты казалось, что он выплеснул наружу всю желчь.

Вдруг на самом горизонте взметнулась густая пыль, и послышался нарастающий топот копыт.

Сдавленно кашлянув, Го Цзя оперся о ствол и поднялся на ноги. Мимо него пронесся отряд конников, а свирепые хлысты со свистом рассекали воздух.

Чужаки напролом мчались сквозь толпу путников, и если кто-то шел слишком медленно, тут же получал удар плетью по спине.

Люди, вынужденные шарахаться к обочинам, лишь молча качали головами, а затем с ужасом смотрели, как старик, не успевший вовремя увернуться, рушится под ударом на землю.

— Эх... — вздохнул один из отступивших к Го Цзя людей. — Говорят, на юге снова началась война, на этот раз беда, похоже, докатилась и до Янчэна.

Другой толкнул его локтем: — Не болтай глупостей.

Заметив, что отряд скрылся из виду, оба лишь безнадежно покачали головами и продолжил путь.

Посреди дороги неподвижно лежал старик, ссутулившись, словно выброшенный лоскут ткани. Проходившие мимо бросали на него в лучшем случае равнодушный взгляд и спешили дальше.

Го Цзя подвел к нему лошадь и помог подняться. Старик кряхтел, цепляясь за опору, а на его спине виднелся свежий рубец от кнута, просочившийся сквозь разорванную ткань.

— Старец, ты что, совсем один?

Лицо старика исказилось от боли, а в уголках скорбной улыбки застыла судорога: — Дожил до седых волос, а кто бы мог подумать, что на старости лет останусь совсем один. — Старик ухватил Го Цзя за руку. — Жаль только, моих двоих сыновей забрали в солдаты, ушли — и ни весточки, ни слуху.

— Куда же ты держишь путь?

Взгляд старика, полный тоски и отрешенности, устремился куда-то вдаль, а хриплый голос заглушил едва блеснувшую на дне глаз слезу.

— В Наньян... Только вот дойду ли?

Наньян.

Го Цзя снова и снова мысленно перебирал это слово.

Юйчжоу, Наньян.

Прежний путник говорил, что бои идут на юге, но не в самом ли Наньяне.

— Я как раз собираюсь на юг, не хочешь пойти со мной?

Старик испуганно замахал руками: — Нет-нет, господин, если вы возьдете такого старика, только замедлите свой путь. Вы скачете на быстрой лошади, наверняка спешите по важному делу, но...

Го Цзя слегка приподнял бровь.

И тут старик заговорил снова: — Но, господин, лицо ваше пышет неестественным жаром, а губы бледные и потрескавшиеся. Только что я невольно прикоснулся к вашему пульсу... Неужели этот недуг слабости и истощения у вас от рождения?

— Старец, неужели ты...

Го Цзя смутно припомнил, как в прошлой жизни, будучи блуждающим духом, он чаще всего околачивался в Лагере Цао. Позже у Цао ЦАО был знаменитый лекарь, который пытался вылечить его мигрени — тот обладал непревзойденным искусством, но отличался упрямым нравом.

В конце концов... в конце концов...

Го Цзя прижал пальцы к виску — чем все закончилось для того лекаря, он припомнить уже не мог...

— Господин, послушайте совета старика: такое тело нужно беречь и холить, оно не вынесет никаких потрясений.

Го Цзя вложил поводья в руки старика: — Дорога в Наньян долгая, со скакуном старику будет гораздо легче.

— Нет, так нельзя! Как же господин пойдет пешком?

Го Цзя настойчиво усадил его в седло: — Мне не нужно в Наньян, мой путь уже близок к концу.

— Неужели вы хотите...

— Старец, береги себя. — Го Цзя сложил руки в приветствии, а затем шлепнул коня по крупу.

— Господин, берегите себя ради всего святого!

Едва слова старика затихли, как Го Цзя прикрыл рот рукой и зашелся в непрекращающемся

кашле.

Янчэн.

Главный лагерь Юань Шу был забит до отказа.

Внутри шатра человек с широким лбом и тяжелым взглядом хмуро мерил шаги из угла в угол. Юань Шу приказал ему выступить против Чжоу Ана, но в подкрепление прислал лишь какого-то Гунсунь Юэ.

— Бац!

Сунь Цзянь с гневом швырнул на стол чернильницу: — Наша армия штурмует город уже который день, но все без толку! Из-за какого-то жалко Янчэна мы несем такие потери! — Сунь Цзянь обвел присутствующих суровым взглядом. — Кто сегодня готов отправиться на вылазку?

Генерал Лэй Бо сделал шаг вперед: — Я пойду, главнокомандующий!

— Хорошо, — громко произнес Сунь Цзянь. — Генерал Гунсунь, вы прикроете этот бой, годится?

В шатре воцарилась внезапная тишина. Тяжелое дыхание Гунсунь Юэ прозвучало особенно неестественно. Бросив косой взгляд на стоявшего рядом Чжао Юня и демонстративно проигнорировав Сунь Цзяня, он лишь слегка опустил голову и глухо отозвался.

— У-у-у... —

Над лагерьем пронесся низкий вой рогов.

Ворота распахнулись, и Лэй Бо с длинным алебардой в руках первым выехал за частокол, ведя за собой толпу конников и пехоты. Гунсунь Юэ, сжимая меч, ехал верхом позади всех, замыкая колонну.

— Цзилун, мы сражаемся с Чжоу Аном уже несколько дней. Что ты думаешь об исходе сегодняшнего боя?

Гунсунь Юэ никак не ожидал, что старший брат отправит его налаживать связи с Юань Шу, а тот, желая проверить искренность намерений гостя, попросту кинет его на передовую.

Гунсунь Юэ закатил глаза: — У Юань Гунлу ума палата, помани мое слово, моему братцу с ним в жизни не справиться.

Чжао Юнь всматривался вдали в величественные стены Янчэна — на них еще клубился дым от недавних пожаров, изрезавших багровыми шрамами каменную кладку.

Боевые кличи, казалось, все еще висели над полем боя, накладываясь друг на друга день за днем. Словно неупокоенные души, они давили на обе армии, сея хаос и беззаконие.

Лишь зычный глас Лэй Бо, бросившего вызов врагу, прокатился раскатом по обе стороны стен, заставив содрогнуться каждого.

Звон оружия и серебряные доспехи рассекли ветер.

У городских ворот взметнулась буря, а поднявшийся до небес рев сражающихся, подобный раскатам подземного грома, покатился с самого края земли, заставляя дрожать саму почву под ногами.

— Убить!

— Бум! Бум! —

Среди двух армий лишь боевые барабаны разрывали небесный свод.

Поле боя затопил вал пехоты, хлынувший с обеих сторон. Никто не отступал, никто не смел отступить.

Вспышки клинков вмиг рассыпались звездной пылью, пожирая чужую кровь и отнимая жизни.

В мгновение ока оба войска сошлись в схватке, переплетаясь в лязге мечей и грохоте металла. Воздух постепенно наполнился едким запахом крови.

Лэй Бо взревел, взмахнув алебардой, словно вскинувшийся дракон. Своей яростью он прорвался в ряды врагов, чувствуя себя там как дома.

— Цзень! —

Алебарда столкнулась с безумным ударом сабли.

— Чжоу Ан! Сегодня я непременно возьму Янчэн! — Лэй Бо едва не стиснул зубы до хруста. Ярость, переполнявшая его грудь, превратилась в исполинскую силу в руках, заставив противника шаг за шагом пятиться назад.

Знамя рухнуло под ударом, сменившись ликующими криками армии Юаня. Победный рев

звенел в небесах, больше походя на погребальный звон для Янчэна.

Среди дыма и гари тысячи сапог топтали тела павших, погружая их в багровое месиво — от вида этого казалось, будто сам попадаешь в преисподнюю.

Лэй Бо неумолимо наступал, а Чжоу Ан пятился.

— Лучники! Приготовиться! —

Чжоу Ан внезапно заорал во всю мольбу с крепостной стены, резко взмахнув саблей и отбросив Лэй Бо на три чжана назад.

Град стрел! Внезапное нападение!

— Отступать! Назад! —

Никаких предупреждений, никакой передышки.

В этот миг воины Юаня напоминали живые мишени. Заслонив небосвод, стрелы летели тучами, заслоняя блеск клинков и заглушая крики. Этот ливень стрел обрушился на них с сокрушительной силой рухнувшей плотины или прорванной реки, накрывая с головой.

Армия Юаня, превратившись из наступающих в бегущих, бросилась врассыпную, хватаясь за головы.

К несчастью, они уже успели подбежать вплотную к городским воротам, и в сумятице о каком-либо организованном отступлении не могло быть и речи.

Тела воинов, превращенные в решето, падали рядами, точно костяшки домино. Торчащие из них густые щетины стрел вызывали мгновенную тошноту.

Отступая и отбиваясь одновременно, Лэй Бо задохнулся от накопившейся злости и испустил яростный вопль. Алебарда в его руках закрутилась снежным вихрем, пытаясь отразить непрекращающийся ливень стрел.

Однако как бы ни был быстр его клинок, ему не угнаться за косым дождем из наконечников.

Черная молния со свистом рассекла воздух, и в мгновение ока стрела оказалась перед глазами.

Зрачки Лэй Бо сузились — поднимать руку для защиты было уже поздно.

— Дзынь! —

Сбоку блеснула серебристая вспышка, в самый последний момент отклонив летящую стрелу.

Лэй Бо прошиб холодный пот, пропитавший насквозь всю нижнюю одежду.

Его взгляд проследил за серебряным копьём, поднимаясь выше.

Белые одежды, серебряные доспехи, прекрасное лицо, а в чертах проступало ничем не скрытое воинское величие. Ветер трепал его одежды, и среди бушующего поля боя он казался гордым небесным божеством.

— Чжао Цзилун? — тяжело задышал Лэй Бо.

— Назад! —

Чжао Юнь вновь отбил градом стрел очередной залп, а древком копья со всего маху ударил под крупом скакуна Лэй Бо.

Лошадь взвизгнула от боли, пустилась во весь опор и помчалась к лагерным воротам.

Гунсунь Юэ, которому было велено лишь прикрывать тылы, никак не ожидал, что Лэй Бо не только так стремительно пойдет в атаку, но и столь же стремительно побежит назад.

А Чжао Юнь бросил ему пару слов и напрямик ринулся в самую гущу стрел. Гунсунь Юэ даже не успел его остановить, как его самого вынесло вперед толпой отступающих беглецов.

Он и вообразить не мог, что человек, обязанный спокойно отступать вместе с главными силами, после пары поворотов вдруг окажется в самом центре вражеского обстрела.

— Цвяк! —

Мелькнула тень копья, метя прямо в Гунсунь Юэ. Тень холодного меча в его руке рефлекторно отбила острие, но он никак не ожидал, что откуда-то сзади, смешавшись с вражескими залпами, прилетит еще одна скрытая стрела. Гунсунь Юэ застигли врасплох — точнее говоря, он даже в мыслях не допускал подобного.

Стрела ударила в спину.

Гунсунь Юэ вскрикнул, и не успев ничего сообразить, рухнул на землю вместе с конем и мечом.

Неизвестно откуда взявшийся всадник подхватил его на лету, и они вместе прокатились по земле пару раз.

Поднявшись после кувырка, незнакомец тут же умчался прочь. Гунсунь Юэ успел заметить лишь его спину и обильно сочащуюся кровью рану на левом плече.

Лишь теперь его прошиб леденящий страх.

Обезумевшая армия с позором вернулась в лагерь. Не успел Сунь Цзянь выказать свой гнев, как Чжоу Ан неожиданно предпринял вылазку: внезапно появившиеся с обеих сторон враги окончательно смешали ряды воинов Юаня.

Смертельно бледный Сунь Цзянь отдал приказ об отступлении.

Солдаты, едва избежавшие смерти, даже перевести дух не успели, как снова бросились бежать сломя голову.

В этот момент Чжао Юнь бросил Гунсунь Юэ, затесался в толпу безумных беглецов и ухватил за плечо человека в неказистых темно-серых одеяниях прямо поверх белого исподнего.

Широко раскрывши глаза, Чжао Юнь резко развернул его к себе и прорычал во весь голос:

— Какого черта ты сюда приперся?!

<http://bllate.org/book/19191/1884806>